

УДК 1(091)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ ГНОСТИЧЕСКОГО МИФА НА ПРИМЕРЕ ПАПИРУСОВ СОБРАНИЯ КНИГ «БИБЛИОТЕКА НАГ-ХАММАДИ»

Я. А. КОХОВЕЦ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы тексты гностических раннехристианских апокрифов, обнаруженные в книжном собрании «Библиотека Наг-Хаммади». В них эксплицированы основные точки соприкосновения гностической антропологии в первые века христианства и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Показано, что такие экзистенциалы фундаментальной онтологии, как бытие-в-мире, бытие-к-смерти, ужас, заброшенность и концепция зова бытия, имеют семантические параллели с гностической терминологией и отображают схожий взгляд на онтологическую и антропологическую проблематику. Раскрыт потенциал изучения гностицизма как концепции, предлагающей аутентичный способ выхода из антропологического кризиса путем восстановления самости через познание феномена «вот-бытие».

Ключевые слова: гностицизм; экзистенциализм; антропология; Наг-Хаммади; фундаментальная онтология; заброшенность; пробуждение; существование; ужас; das Man; бытие-в-мире.

EXISTENTIALS OF THE Gnostic MYTH ON THE EXAMPLE OF THE PAPYRUSES OF THE COLLECTION OF BOOKS «NAG HAMMADI LIBRARY»

Ya. A. KAKHAVETS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article contains the analysis of the texts of Gnostic early Christian apocrypha found in the collection of books «Nag Hammadi library». The texts of the apocrypha explicate the main points of contact between the Gnostic anthropology of the first centuries of Christianity and the fundamental ontology of M. Heidegger. It is shown that such existentials of fundamental ontology as In-der-Welt-sein, Sein-zum-Tode, Angst, Geworfenheit and the concept of the call of being have semantic parallels with Gnostic terminology and display similar Gnostic optics on ontological and anthropological issues. It is revealed the potential of studying Gnosticism as a concept offering an authentic way out of the anthropological crisis by restoring the self through the knowledge of Dasein.

Keywords: Gnosticism; existentialism; anthropology; Nag Hammadi; fundamental ontology; Geworfenheit; awakening; existence; Angst; das Man; In-der-Welt-sein.

Образец цитирования:

Коховец ЯА. Экзистенциалы гностического мифа на примере папирусов собрания книг «Библиотека Наг-Хаммади». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:23–28.
EDN: DNJNID

For citation:

Kakhavets YaA. Existentials of the gnostic myth on the example of the papyruses of the collection of books «Nag Hammadi library». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:23–28. Russian.
EDN: DNJNID

Автор:

Ярослав Александрович Коховец – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. Н. Сидоренко.

Author:

Yaraslau A. Kakhavets, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kakhavets.yaraslau@gmail.com

Введение

Ситуация продолжающегося антропологического кризиса, выраженного в тотальной отчужденности и разочаровании в концепции человека как такового, обуславливает рост интереса к вопросу целостности личности, отношений между человеком и его самостью, опытом и перспективами исторического развития в контексте глобального доминирования концепции смерти субъекта. Современный человек при поиске собственной идентичности попадает в ситуацию свободного рынка индивидуальностей, плюральности человеческих миров [1, с. 4], что усугубляет его отчужденность от самого себя, заставляя

выступать лишь объектом рыночных отношений. Многообразии левых и правых идеологий, новых религиозных движений и гендерная теория как выражение современной буржуазной культуры превращают человека в борца за измы, создавая на месте экзистенциального вакуума мнимые идентичности. Нарушение целостности человеческого бытия в эпоху постмодерна делает актуальным историко-философский анализ концепций фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и гностической антропологии, для которых важны вопросы о переживании людьми бытия в этом мире и о том, чему тождественен человек.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования стала гностическая антропология, представленная в раннехристианских апокрифических писаниях, которые были найдены в 1945 г. в собрании книг «Библиотека Наг-Хаммади». Данная библиотека является самым обширным источником изучения аутентичных текстов раннехристианского гностицизма, благодаря трудам советских и российских исследователей (А. И. Еланская и А. Л. Хосроев) она доступна в переводе на русский язык. Кроме того, проанализирована фундаменталь-

ная онтология М. Хайдеггера, содержащаяся в работе «Бытие и время», в частности концепции бытия в мире, заброшенности, пробуждения, а также концепция *das Man*. С помощью метода историко-философской реконструкции обнаружены точки пересечения гностической антропологии и экзистенциалов философии М. Хайдеггера. Метод компаративного анализа позволил сопоставить две системы мысли и выделить параллели в ответах на вызовы антропологической проблематики и отношения к сущности человека.

Результаты и их обсуждение

Традиционный античный гностицизм и фундаментальную онтологию М. Хайдеггера разделяет почти две тысячи лет, однако при такой разнице во времени интерес этих двух концепций к антропологической проблематике остается неизменным, а они сами имеют большее сходство, чем может показаться на первый взгляд. Их терминологический аппарат практически идентичен. Такие понятия, как страх, чуждость, бытие и заброшенность, в обоих случаях занимают одно из ключевых мест. Данное сходство позволяет сделать вывод о том, что гностический взгляд на антропологическую проблематику нашел свое продолжение и в середине XX в. был выражен в подобных используемым в экзистенциализме категориях. Для выяснения правомерности данного утверждения прежде всего необходимо обратиться к анализу того семантического ядра гностического мифа, содержательным элементом которого является экзистенциал.

Понятие «экзистенциал» было введено М. Хайдеггером в работе «Бытие и время» как термин, описывающий модусы человеческого существования в его единстве с жизненным миром. Экзистенциалы «бытие-в-мире» (*In-der-Welt-sein*), «бытие-к-смерти» (*Sein-zum-Tode*), «ужас» (*Angst*) и «заброшенность» (*Geworfenheit*) выступают ключом к пониманию эк-

зистенциальной аналитики «дазайн» (*Dasein*), или «присутствие», «вот-бытие», «здесь-бытие», и описанию целостности системы человек – мир¹, единства имманентного и трансцендентного.

При обращении к анализу гностического мифа через рассмотрение фундаментальной онтологии следует уделить внимание основным письменным трудам гностической мысли. Важными источниками по истории и философии гностицизма являются раннехристианские (I–IV вв.) апокрифы. Ценность этих работ, отвергнутых в качестве несоответствующих канону официальной церкви, но бытовавших в ее среде несколько столетий до этого, состоит в том, что они отражают специфическую веру и герменевтическую парадигму анонимных и известных авторов (например, философ II в. Валентин), а также их последователей из числа так называемых сифиан и валентиниан, находивших в данных произведениях личный мистический и духовный отклик. В этой категории источников отдельное место занимает пласт сохранившихся христианских гностических сочинений, написанных на коптском языке, который был египетским диалектом позднего эллинистического периода. Интерес представляют коптские рукописи и крупнейшее в мире собрание предметов коптского ремесла и изобразительного искус-

¹Гайдено П. Экзистенциал // Нов. философ. энцикл. : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова [и др.]. М. : Мысль, 2010. С. 420.

ства, содержащиеся сейчас в Коптском музее. Это собрание представляет собой специфический слой египетской христианской культуры. Здесь же находится и часть археологического достояния Египта – 13 кодексов, которые датируются IV в.

Если до открытия в 1945 г. папирусов рассматриваемой библиотеки при изучении гностицизма делался разбор свидетельств, приведенных Отцами Церкви, и их отрывков из гностической апокрифической литературы, то с обнаружением библиотеки стало возможным в полном объеме исследовать оригинальные гностические тексты.

Содержание упомянутых кодексов весьма разнообразно, в них есть евангельские (апокрифы «Евангелие от Филиппа», «Евангелие истины»), апокалиптические (трактат «Апокалипсис Адама»), учительные (трактат «О происхождении мира», текст «Подлинное учение») произведения, а также собрание логий Иисуса Христа (апокриф «Евангелие от Фомы»), герметический трактат «Асклепий» и отрывок из диалога Платона «Государство». Аутентичность содержания текстов позволяет в полной мере погрузиться не только в теологическую составляющую их концепций, но и в ту онтологическую, аксиологическую и антропологическую проблематику, которая занимала гностиков первых веков.

Онтологическая структура, которая описывается в гностических папирусах собрания «Библиотека Наг-Хаммади», неоднородна, она представлена герметической (что сверху, то и внизу) и дуалистической концепциями, а также концепцией абсолютной ничтожности любого рода материи вне зависимости от ее происхождения. В целом гностики дают негативную онтологическую характеристику космосу как структурированной бездушной обезличенной бытийности. Он представляет собой пустую форму, движимую слепым законом, а единственной его функцией является бесцельное сдерживание запертой в нем божественной сущности, т. е. человеческого духа. Существование космоса в некоторых концепциях (например, у Валентина) обязано концепции трагического падения, или ошибки.

В апокрифе «Евангелии от Филиппа» есть следующие строки, свидетельствующие о несовершенстве Создателя этого мира и его творения: «Мир произошел из-за ошибки. Ибо тот, кто создал его, желал создать его негибнущим и бессмертным»². Даже звезды становятся для гностиков ежедневным напоминанием о пленении духа и символом порабощения божественного. «Являясь первым из творцов этого мира, он (тот, кто являлся первым из творцов этого мира. – Я. К.) передает эти души другим, служащим им, ан-

гелам, которые заключают их в тела. Тело ведь, говорят они, – это темница [для души]»³.

Следовательно, первой задачей мира становится введение человека в заблуждение относительно своей сущности, «погружение в сон» [2, с. 125], приведение его в состояние тихого согласия с правилами окружающей действительности и невозмутимой покорности ее правилам. Эту же цель ставят и многочисленные человеческие страсти, ведь, например, в процессе погони за очередными атрибутами престижа очень сложно найти время и место для духовного совершенствования. Считая мораль и нравственность социальными конструктами, которые являются лишь органическим продолжением космического порядка человеческих отношений, гностики утверждают необходимость этической ревитии. В частности, пересмотру подвергаются формы семейных взаимоотношений и отношений собственности.

Некоторые апокрифы содержат миф о том, что духовный компонент существует в мире ради дестабилизации материального космоса, а телесный человек именуется как дитя закона, что в очередной раз подчеркивает механическую некротичность космоса и отсутствие реальной, живой составляющей. Человек в таком мире находится в состоянии «сна смерти», он «одурманен» и неспособен к истинной реализации своего потенциала. Бытие-в-мире представляется заточением. Таким образом, мир реализует себя как принудительное место пребывания человека, единственного истинно живого объекта, без которого само существование космоса не имело бы смысла. В этом аспекте можно усмотреть пересечение гностической онтологии с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, который утверждал, что «бытие требует человека, чтобы осуществиться самим собою среди сущего и сохраниться в качестве бытия» [3, с. 254], онтологически объясняя таким образом экзистенциал «дазайн».

Для описания неподлинного существования человека М. Хайдеггер в книге «Бытие и время» ввел понятие *das Man* в качестве указания на безликого человека в безликом мире повседневности. Направленность деятельности как соматика, так и представителя *das Man* на наличные предметы погружает их в безличный мир, что, в свою очередь, лишает их индивидуальности и реальной субъектности. Настоящим субъектом отношений в наличном мире выступает сам космос через посредство человека-инструмента. Свобода от соматического человека-объекта, обусловленного некротическим космическим порядком и выражающего себя в социальных

²Евангелие от Филиппа // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/evphil.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

³Ранние гностические школы // Русские страницы : сайт. URL: <https://www.biblicalstudy.ru/Books/Afonasin10.html> (дата обращения: 21.09.2023).

отношениях, является неизбежным условием человеческого (пневматического) спасения: «Не всем тем, кто всем обладает, положено познать себя. Однако те, кто не познает себя, не будут наслаждаться тем, чем они обладают. Но лишь те, кто познал себя, будут наслаждаться этим»⁴.

Те, кто не способен осознать свою субъектность в этом мире, не удостоится спасения ни в земной, ни в небесной жизни. Такого рода телесные люди являются не вполне полноценными человеческими существами: «Спаситель сказал: “Поистине, не признавая сих за людей, но считай их скотами, ведь как скоты поедают друг друга, так же у этих, такого рода людей, – они поедают друг друга, они изъяты из истины... «...» ...В то время как [они думают], что мудры, и любят свое тело”»⁵.

Таким образом, пробудившийся гностик – это истинный активный субъект в отношениях человек – мир, человек – Бог и человек – человек в том случае, если он находится в окружении равных, а также в отношении человек – недочеловек, если он общается с соматиком или ведет проповедническую деятельность.

М. Хайдеггер также утверждал, что заброшенность человека в мир обуславливает возможные модусы его здесь-бытия. Несобственное существование – модус, предполагающий осознание своей заброшенности в мир, но продолжающий нацеленность человека на пребывание в мире наличных предметов, бытие *das Man*: «Мы наслаждаемся и забавляемся, как наслаждаются; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как видят и судят; мы удаляемся от толпы, как удаляются; мы находим возмутительным то, что находят возмутительным»⁶ [4, S. 126]. Собственное существование наступает тогда, когда присутствие выбирает принять ответственность за жизнь в мире. Концепция пробуждения, необходимого для перехода от несобственного существования к собственному, представлена как бытие-к-смерти, как переживание ужаса осознания личного характера смерти и решимость на вопрошание о бытии, что выводит человека из области неподлинного существования в сферу подлинности. Несобственное существование не способно осознать смерть в применении к себе, для него смерть – это всегда смерть других. Субъект *das Man* живет в том же обезличенном, механическом, рутинном космосе, что и гностический соматик, он не выступает субъектом собственной жизни, застревая в повседневности. В случае же собственного модуса пробудившееся после осознания смертности присутствие выбирает принять ответственность за свою жизнь,

сама смерть становится ориентиром ответственности, из чего и рождается забота (*Sorge*), открывающая для человека вперед-себя-бытие (*Sich-Vorwegsein*), т. е. коренящуюся в будущем историчность субъекта, открытие для себя перспективы реализации. Сознывая свое наличие через принятие собственной смертности, человек соглашается с временностью присутствия как горизонтом понимания бытия и, следовательно, как субъект конституирует себя в мире.

Когда гностик признает себя носителем духовной субстанции, он начинает понимать свое надмирное происхождение, что отзывается в нем глубоким внутренним потрясением, связанным с онтологическим разрывом между местом личного происхождения и местом обитания, и это проявляется в гностической концепции чуждого. Ощущение чуждости миру является постоянным переживанием для истинного гностика. Это состояние служит одновременно источником спасения, так как сигнализирует о начале осознания себя причастным к высшему миру, и источником страдания. При этом чуждость, согласно гностическим апокрифам, есть отличительный атрибут, присущий истинной, заключенной в узы нашего материального мира жизни, которую можно описать как рассеянную мировую душу. «Но душа мудрого и гностика, будучи заключена в тело лишь на короткое время, подобно страннику, пришедшему чужую землю, пользуется телом умеренно, готовая покинуть эту обитель, едва лишь услышит призыв. “Странник, – говорит она, – я в этой земле и чужак среди вас”» [5, с. 236].

Как апогей осознания ужаса своего положения в этом мире и надежды на спасение описывается популярный в гностической апокрифической литературе сюжет встречи человека с направленным к нему божественным зовом, который в полной мере пробуждает в человеке потенцию к спасению. Часто ответ человека на зов описывается как плач о своей судьбе, которую он не выбирал, о заточении в мире, где существование предшествует сущности: «Господь сказал: “Блажен тот, кто существует до того, как он появился. Ибо тот, кто существует, был и будет”»⁷. Человек, озаренный откровением о своей истинной природе, начинает мучиться в мире: «Согласно обычаю моей расы я возносил их к Богу моих отцов. Я воздавал им всем хвалу ради предков моих и отцов... Что касается меня, то я не прекращал искать место отдыха, достойное моего духа, ведь я еще не был скован чувственным миром. Затем, поскольку я был глубоко встревожен и мрачен из-за той обескураженности, что охватила меня, я осмелился дей-

⁴Евангелие от Филиппа // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/evphil.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

⁵Книга Фомы атлета // Там же. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/book_foma.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

⁶Здесь и далее перевод наш. – Я. К.

⁷Климент Александрийский. Строматы // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/4 (дата обращения: 13.10.2023).

ствовать и отдался диким зверям пустыни ради жуткой смерти»⁸.

В контексте описания переживаемого гностиком ужаса от осознания своей заброшенности в мир необходимо провести параллель с тем, как М. Хайдеггер различал ситуации предметной боязни и беспредметного ужаса: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому *Ничто* (здесь и далее курсив наш. – Я. Х.)? Это может происходить и происходит... в фундаментальном настроении ужаса... Ужас в корне отличен от боязни... Ужасом приоткрывается *Ничто*» [3, с. 20–21]. Философ описывал состояние боязни как переживание, непосредственно относящееся к определенному предмету. Страх конкретен, он замыкает человека в конкретной системе координат, внутри которой очерчивается причина и предмет боязни. Ужас хоть и переживается как ужас перед чем-то, однако поражает своей внутренней беспредметностью (точнее, предмет, перед которым он испытывается, не есть тот самый предмет, относительно которого происходит переживание, являясь скорее символом чего-то принципиально неопределенного). Таким образом, состояние ужаса приоткрывает для нас *Ничто*. Переживание ужаса создает для человека ситуацию, в которой он осознает свое присутствие как выдвинутость в *Ничто*, тем самым трансцендируя себя: «*Ничто* есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [3, с. 22].

В этом контексте можно привести параллель с ситуацией зова. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера рассматривает совесть в качестве зова мира: «Зов ведь как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен нами самими. “Оно” зовет, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня» [4, S. 257]. Зов открывается как раз в ситуации ужаса и указывает человеку на личную способность быть, а также на необходимость принятия ответственности за собственное бытие, таким образом пробуждая его самость.

Гностическая традиция утверждает, что человек является странником, заброшенным в мир, а его жизненный путь начался со вселенской трагедии дисперсии высшей целостности духовного и закончится

соединением, восстановлением божественного. Земная жизнь есть осложненный амнезией эпизод в цепочке истинная жизнь – некротическая жизнь – истинная жизнь. Осознавший себя заброшенным в этот мир человек (самоспасающийся спаситель) собирает рассредоточенный в космосе божественный свет, что проявляется как процесс самопознания, личное интеллектуальное и духовное просвещение. Сама сущность гностического мифа и практик состоит в единении человеческой сущности в целостного человека (или воссоединении рассеянного в мире человека), через что и совершается спасение: «Я (душа) пришла познать себя и собрала себя отовсюду... Это происходит посредством единения, где каждый снова примет себя обратно через познание, он очистит себя разнообразием взглядов на единение, поглощением материи в самом себе подобно пламени, тьмы – светом и смерти – жизнью» [2, с. 76].

Не просто созданная Богом, но являющаяся Богом сама по себе человеческая сущность, заключенная в духе, становится несоизмеримой с миром безотносительной самоценностью. Человек определен судьбой (гемарменом) к гибели, но, приобретая гнозис, он способен пробудить божественную сущность и вернуться в бессмертие. Обретение гнозиса становится для человека новым рождением и приводит его не просто к спасению, а к возможности самореализации, к истинной концепции «свобода для». Человек заброшен в бытие (как и у М. Хайдеггера), ставшее для него горизонтом возможностей, где именно понимание ужаса от осознания характера собственной смерти выводит человека в сферу подлинного существования. Таким образом, ужас «выступает формой переживания человеком своей конечности» и «предельным опытом» даэин [6, с. 62]. Смерть, как единственная возможность, которая от нас никогда не уйдет, открывает и все другие возможности. Получается, историчность (временность) человека, как подлинность, есть проективность из будущего, а ответ человека на зов совести открывает для него необходимость ответственности. В данном случае гнозис, как знание о чем-то, становится знанием о смерти, ее причинах и неминуемости, заново открывает для человека бытие и указывает на возможность его реконструкции и реализации.

Заключение

Проанализированные элементы гностического мифа, рассмотренные через призму фундаментальной онтологии, служат примером близости гностической и экзистенциальной антропологической проблематики, которая связана с определением и фиксацией собственного присутствия

в мире. Принимая во внимание то, что некоторые термины не имеют точных аналогий по смыслу и не употребляются идентично друг другу, автор настоящей статьи считает правомерным утверждать следующее: между ними, однако, есть смысловые точки пересечения, удивляющие схожестью взгля-

⁸Зостриан // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/zostrian.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

да на проблематику переживания человеком опыта бытия-в-мире и отображающие то настроение, которое присуще и гностическому уму, и экзистенциальной традиции. Эта внутренняя связь делает их когерентными друг другу и свидетельствует о глубоком экзистенциальном ядре гностицизма и в той же степени о гностическом поиске человеческой сущности в экзистенциализме: «Правильность определения сущего настолько неочевидна, что само его определение составляет существенную часть онтологической аналитики этой составляющей бытия» [4, S. 43].

Библиографические ссылки

1. Шапинская ЕН, редактор. *Постмодернизм и культура*. Москва: ИФАН; 1991. 137 с.
2. Йонас Г. *Гностицизм: гностическая религия*. Шукин КА, переводчик; Сандулов ЮА, составитель. Санкт-Петербург: Лань; 1998. 382 с.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие*. Бибихин ВВ, переводчик и составитель. Москва: Республика; 1993. 447 с.
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: M. Niemeyer; 1967. 437 S.
5. Афонасин ЕВ, переводчик. *Школа Валентина: фрагменты и свидетельства*. Санкт-Петербург: Алетея; 2002. 319 с.
6. Сидоренко ИН. *Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2007. 124 с.

References

1. Shapinskaya EN, editor. *Postmodernizm i kul'tura* [Postmodernism and culture]. Moscow: IFAN; 1991. 137 p. Russian.
2. Jonas G. *Gnostitsizm: gnosticheskaya religiya* [Gnosticism: gnostic religion]. Shchukin KA, translator; Sandulov YuA, compiler. Saint Petersburg: Lan'; 1998. 382 p. Russian.
3. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Bibikhin VV, translator and compiler. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. Russian.
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: M. Niemeyer; 1967. 437 S.
5. Afonasin EV, translator. *Shkola Valentina: fragmenty i svidetel'stva* [School of Valentin: fragments and evidence]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 319 p. Russian.
6. Sidorenko IN. *Ideya istorichnosti v filosofii nemetskogo ekzistsentsializma* [The idea of historicity in the philosophy of German existentialism]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2007. 124 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2023.
Received by editorial board 14.11.2023.